

ТИМОТИ РАЕНДЖАЙД

БАР 32

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

18+

Тимоти Ранендхайд

Бар 32

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тимоти Ранендхайд

Бар 32 / Тимоти Ранендхайд — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Томас Хэйз был простым парнем, который любил, дружил, занимался фотографией. Он стал другим, когда столкнулся с предательством. Когда из его жизни ушла любимая девушка, забрав часть души парня вместе с собой. Она забрала цвета и звуки, что наполняли его мир. Боль, обида и гнев - все, что есть в его душе после утраты любимой. Во второй раз было больнее. И Томас решается отомстить, теряя самого себя в погоне за справедливостью. Содержит нецензурную брань.

© Тимоти Ранендхайд, 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ПРОЛОГ

– Не трогай его, Уилл, – попросила девушка еще раз, пытаясь схватить парня за руку. Тот был настойчив и решителен, даже если его решения были крайне глупыми.

– Эй, пацан, стой! – Уилл не слушал подругу. Его взгляд был полон злости и уверенности в себе. – Я с кем говорю? – он дернул впереди идущего за плечо.

Томас надеялся, что сможет уйти. Он торопился и совершенно не хотел ввязываться в какие-то разборки, тем более на территории школы. За территорией, – пожалуйста. Сейчас же ему не были нужны проблемы с директором и родителями, увы, это было неизбежно.

Коридор был безлюдным, и слова Уилла, парня на год младше Тома, раздавались басыстым эхом. Томас был на голову ниже, поэтому ему приходилось смотреть снизу. Особенно сложно было, когда Уилл подошел вплотную. Да так близко, что Томас чувствовал его мятное дыхание.

– Ты пялился на нее сегодня во время тренировки, – это не было вопросом.

– Я не пялился, – проворчал Томас. – Я могу идти?

– Рот закрой! – гаркнул спортсмен. – Ты ответишь за то, что распускаешь свои извращенские глаза на мою девочку, ... парень? – он наклонился к Тому с презрительным прищуром.

– Уилл... – попросила девушка. Но ни один из них будто бы не слышал ее.

– Ты сам себя слышишь? – усмехнулся Томас. – Извращенские глаза? Как это?

– Закуси язык, урод, – вновь повысил голос Уилл. – Ты пялился на нее!

– Я сказал, нет, – повторил юноша. – Да даже если бы и так, то и что с того? Мне нужно было извиниться перед тобой, что ты такой неуверенный в себе? За то, что ревнуешь свою девочку к такому неудачнику, как я? Не уверен, что она вообще твоя девочка.

Томасу следовало чаще держать свой рот на замке или обходиться лишь парой дежурных фраз, а не бросаться с оскорблениями прямо на врага. На того, кто явно не будет разбираться в ситуации. На того, кто пришел не говорить, а бить.

Уиллу не нужно было разбираться в том, кто на кого пялился. Он был убежден в своем и, как типичный твердолобый спортсмен, хотел решить все кулаками. Ведь это так почетно – защитить не пострадавшую ни от чего девочку от хилого парня из старшего класса.

В глазах Уилла горела ярость, будто Том был виноват во всех проигрышах школьной команды по футболу.

– Я могу?..

Том не успел закончить фразу, как неожиданно лоб Уилла оказался между его бровей. В глазах заискрилось, Том пошатнулся, оступился и свалился на пол. Уилл встал сверху, стал обрабатывать кулаками, а Томасу ничего не оставалось, кроме как закрывать голову руками. Он почувствовал привкус крови на губах и попытался оттолкнуть спортсмена, но тот несдвигаемым камнем висел над ним.

– Уилл! – звучал голос девушки сквозь удары. Томас видел ее светлые локоны, когда она всеми силами пыталась оттащить парня. Он поддался и лишь напоследок пнул Томаса по ребрам. Они и без того болели.

– Если еще раз... – бросил предупреждение Уилл, уходя.

Томас не услышал больше. Он попытался подняться, но голова шла кругом. Казалось, ему уже стоит привыкнуть к тому, что его бьют по ней. Но голова отказывалась принимать это. И, наверное, ему уже стоило пойти куда-нибудь, где его научат махать кулаками.

Он забрел в туалет, бросил сумку у двери. Никого не было, все уже разошлись домой. Один Том оставался работать над школьной газетой. Как раз отбирал фотографии с прошедшей игры школьной команды. «Нужно было нарисовать членна лице Уилла в фотошопе», – мельком подумал он.

Том облокотился на раковину, уронил голову и тяжело вздохнул. В висках стучало, по верхней губе медленно сползала струйка крови. Он поднял глаза на себя в отражение и смор-

щился: милый мальчик лет 14 смотрел на него, но никак не выпускник нынешнего года. Глаз явно заплачет на утро, на лице будет как минимум два крупных синяка: на лбу и под глазом.

Он открыл кран, стал умываться и пытаться остановить кровь из носа. Из-за шума воды он не заметил, что кто-то вошел.

– Томас? – послышался знакомый голос.

Том обернулся. Перед ним стояла та самая виновница его избиения. Ее голубые большие глаза выражали сочувствие и раскаяние. Белые локоны – единственное, что Том видел – были немного растрепаны. На лице здоровый румянец, дыхание неровное. Она бежала.

– Я дошла до мужского туалета, тебя там не было, – сказала она, подходя ближе. Она намочила вату, что держала в руке, и аккуратно, как бы боясь, заткнула ноздрю юноши. – Потом услышала воду в женском, решила проверить.

– Перепутал, – отмахнулся Том. – Спасибо.

– Я Лиа, новенькая, – она улыбнулась. Том заметил ямочки на ее щеках. Конечно же, он знал, кто она такая. Конечно же, он смотрел на нее сегодня. – Уилл немного вспыльчивый.

– Твой бойфренд не то, чтобы немного вспыльчивый, он очень агрессивный, – исправил Том. – Я знаю его с младших классов, и я не первый, кого он бьет просто так, лишь бы избить.

– Он не мой бойфренд, – улыбнулась Лиа. Улыбка была скорее печальная, нежели смущенная. – Он с чего-то решил, что я его подруга, хотя я ему прямо говорю, что это не так. Он неплохой, но...

– Но у всех свои причуды, я знаю, – фыркнул Том.

– Прости за это, – она коснулась рукой покрасневшей щеки Томаса. – Болит?

Он отстранился. Из-за смущения.

– Ничего страшного. Я люблю боль.

ГЛАВА 1

1

Лиа уже три года жила в Найтл-Лейке, и лишь сегодняшней ночью ей удалось выбраться из дома. Ее семья поселилась на окраине города, откуда девушку ни разу не выпускали в ночь. Но теперь ей уже 18, она живет в общежитии университета, в который поступила, и теперь вольна, как птица. Фиби, ее новая подруга, дама активная, постоянно знающая о любых тусовках города. С ними в компании и Уилл, тот самый парень, что еще в школе пытался за ней ухаживать. Он «по чистой случайности» поступил в тот же самый университет, что и она. С ними Кaleb, старый приятель Фиби. Фибс как-то шутила, что он гей. Возможно, это и так.

Они ехали на машине Калеба, ведь тот за всю свою жизнь и капли алкоголя в рот не брал. Фиби продолжала краситься, попутно обсуждая с Калемом то, что они обязательно найдут ему парня на этой вечеринке. Как оказалось, Фиби не раз была в «Баре 32», но никому не рассказывала, что там было. Казалось бы, что может быть интересного в обычном клубе, куда приходят потанцевать и выпить? Но Фибс уверяла, что такого они еще нигде не увидят.

– Ну опиши одним словом, – протянула Лиа.

– Иерархия, – произнесла подруга, словно смакуя слово на языке.

– Ты такие слова умные знаешь? – усмехнулся Уилл.

– Если бы ты, дорогой, ходил на историю, то тоже бы знал.

Они обменялись недовольными взглядами и тут же рассмеялись.

– Фиби, хватит трогать зеркало заднего вида! – чуть ли не завопил Кaleb. – Оно не для твоей косметики.

– А для чьей? Твоей? – рассмеялась Фиби и провела помадой по губе Калеба, оставив неровный красный след.

Все рассмеялись, один Кaleb начинал пыхтеть от недовольства.

Лиа посмотрела в окно. Она гуляла по этим улицам днем, и они совершенно не были похожи на то, что она видела сейчас. Яркие огни вывесок и фонарей отражались в ее восхи-

ценных синих глазах. Мимо проносились машины, и, казалось, ночью город гораздо живее, чем днем. Постепенно они уехали на другой конец города, слушая громкую музыку и подпевая любимым певцам. Уилл пил пиво, предлагая его подругам, и те не отказывались. Лиа чувствовала такую свободу сегодняшнего вечера, что не променяла бы это ни на что другое.

Постепенно она замечала, как архитектура зданий начинала заметно меняться. На смену высоким светящимся зданиям пришли низкие домишки бедных районов.

– Тут как в ниггерских фильмах, – буркнул Калевб, точно следуя направлению маршрута.

– Ага, сейчас еще пулю гангстеров словим, – поддержал его Уилл. – Или барыг встретим.

Фиби сделала музыку в машине тише и жестом сказала всем слушать. Она открыла окна, и тогда ее приятели услышали звуки доносящейся музыки.

– Слышите музыку? – все кивнули. – Нам туда.

У Лии от волнения вспотели ладошки и пересохло в горле. Она взяла у Уилла бутылку пива и сделала несколько глотков. Вкус был отвратительный, но пиво как ничто другое утоляло жажду. Она вздохнула и вновь прислонилась к окну, чувствуя, как с каждым метром басы музыки отзывались в ее сердце.

Они завернули за угол, когда музыка стала настолько громкой, насколько это возможно. Калевб стал тихо ругаться, что «вечно у этих всратых клубов не найти место для парковки», Фиби смотрела на Лию и с хитрым и довольным лицом спрашивала ее «волнуешься?» или «готова?». Уилл был безмятежен и расслаблен, как, впрочем, и большую часть времени.

Калевб оставил машину аж за квартал, и, когда они уезжали, Лиа чувствовала, как будто что-то важное отдаляется от нее. Но ведь это чувство было глупым и необусловленным: они вернутся к тому клубу. Пришлось идти пешком мимо потрепанных желтых домов, лающих собак и детей, что смотрели на них из-за забора. Лии все казалось, что этот район – чертовски стремное место всего города. Как их только сюда занесло? Ведь в центре много клубов. Однако Фиби настолько была уверена в неповторимости этого места, что смогла убедить даже непреклонного Калеба отвезти их и пойти вместе.

Уилл закурил, и Лиа отошла от него на несколько шагов. Вечерний ветер потихоньку проникал под кофту девушки, и по спине ползли мурашки. Лиа поежилась, Уилл поспешил укрыть ее своей толстовкой. От нее пахло табаком, но девушка не могла позволить себе отказать. Он был мил с ней, а она постоянно его морозила. Оставалось лишь потерпеть еще пять минут, чтобы снять со своих узких плеч эту огромную кофту.

Фиби летела впереди всех. Ее кудрявые волосы в такт шагам хлопали по спине. Калевб шел, молча вглядываясь в здания. Он с неподдельным интересом изучал дома и забавно вздрогнул, когда рядом с ним за забором гавкнула собака. Они дошли быстро. У входа их уже ждали приятели-спортсмены Уилла, что громко смеялись и курили.

Лиа остановилась у самого входа, подняла глаза. Вверху светилась неоновая вывеска «Бар 32», но само здание не выглядело лучше, чем все остальные. У входа стояли люди: кто-то дышал воздухом, кто-то ругался, кто-то стоял побитый. Лиа сжала и разжала пальцы и пошла внутрь за друзьями, попутно снимая с плеч кофту Уилла.

– Добро пожаловать в «Бар 32», – сказал парень, что стоял рядом с окном оплаты входа. Его речь была немного неразборчива, явно парень был поддат. – Веселого отдыха и приятного время-ик-препровождения.

А внутри темно-синий неон, гремящая музыка и вспышки прожекторов. Слишком много людей, все подвыпившие, танцующие, толкающиеся. Лиа принюхалась: воздух пах чем-то сладким – и именно из-за этого девушка увидела туман в зале. Огляделась, – увидела вейперов в толпе, выдыхающих клубы густого пара.

Компания медленно пробиралась за Фиби сквозь толпу, когда все резко и неожиданно стали толпиться и пихаться, образуя в центре какой-то круг. «Танцевальные баттлы? Это

весело», – отметила Лиа. Но каково было ее разочарование и удивление, когда она вместо двух танцоров увидела двух парней, словно вышедших на боксерский ринг.

Фиби ловко пробралась вперед – туда, где лучше видно, туда, где шанс получить нечаянно в лицо увеличивается в несколько раз. А потом быстро вернулась назад, схватила Лию за руку и потащила за собой. Толкаясь, они протиснулись к самой границе круга, и у Лии захватило дыхание.

Она видела драки, но какое-то волнение все равно присутствовало. Каждый раз, как кто-то кого-то бил – ее сердце обливалось кровью. И этот раз не исключение. Еще и слегка приглушенный технохаус отдавался ударами в ее груди.

Лиа видела двух парней, борющихся на полу. Один, тот, что пониже, поднялся на ноги и дал второму шанс встать. После чего второй яростно бросился на оппонента, пытаясь ударить того в челюсть. Но парень выставил вперед руку, схватил кулак. Второй рукой схватил запястье, поднырнул и ударил плечом в грудь противника. Выпрямился и потянул второго парня, перекинув его через себя – на пол спиной. Тот упал и лениво постучал рукой по полу – сдался.

Толпа загудела.

– Никто не удивляется, что он побеждает, – сказала Фиби на ухо Лии. – Я не знаю, как его зовут, но он никогда не проигрывает и не сдается. Каждый бой остается за ним, но все равно все продолжают бросать ему вызовы в надежде забрать клуб себе. Как думаешь, в чем его секрет? Он не похож на профессионального боксера...

Он повернулся лицом к ним. Лиа узнала его.

– В том, что он любит боль, – проговорила она.

2

Томас так и не понял, из-за чего был брошен этот вызов. Но это его и не волновало. Выпитое приглушало чувство боли, и Том сам бы сейчас вызвал кого-нибудь, лишь бы почувствовать тяжелые удары. Ему так хотелось ощутить себя живым.

Его поглощало чувство не проходящего эмоционального голода, нехватки и обделенности. Уже год, как из его жизни исчезли запахи и звуки. Условно, конечно. Но его жизнь шла лишь на половину, хотя многие из его сверстников могли бы позавидовать тому, что он имеет. Особенно те, кто недооценивал его в школе или на первом курсе колледжа. Да и черт со вторыми, большинство из них сейчас пропивают деньги в его клубе. В клубе, что он поднял с нуля своими силами. И все же ему постоянно чего-то не хватало.

Он пытался глушить эту пронзительную тишину внутри выпивкой, жижей с большой долей никотина, громкой музыкой, наркотиками, сексом, драками. Он превратил свой клуб в нечто, напоминающее бар и бойцовский клуб. И только если первое правило бойцовского клуба известно всем, кто смотрел фильм или читал книгу, то тут правил не было.

Он был свободен, ничто не держало его, и все же Том застрял в этом месте, в этом состоянии. И ничто не помогало. Ему не нужны были заменители этого мира, и все же он раз за разом прибегал именно к ним. Его противник сдался, и Томас, вытирая пот со лба, поднялся на небольшое возвышение и поглядел на толпу. За долю секунды он увидел знакомые синие глаза и светлые длинные волосы в толпе, освященные холодным светом неона. Она – та девочка из школы, из-за которой его побили под конец учебного года. И она узнала его. И ее друг тоже, что, удивительно, до сих пор тусуется вместе с ней.

– Ты... – процедил Уилл, и Том только по его губам понял, что тот сказал. – Я смотрю, ты драться научился, – он подошел к Томасу достаточно близко, но не вплотную. Том стоял на возвышении и смотрел Уиллу прямо в глаза. – Так, может, закончим наш разговор?

– Ты настолько неугомонный, что хочешь второй раз опозориться перед девушкой, которая тебе нравится? – громко и четко сказал парень, жестом попросив диджея убавить громкость. – Если хочешь произвести впечатление на хорошую девочку, то на свидание ее позови,

а не бей «извращенцев» на ее глазах. Можешь не надеяться, что это сделает тебя героем для нее. Ты выглядишь жалко, пытаешься самоутвердиться за счет тех, кто слабее тебя.

– Ты признаешь, что слабее меня? – усмехнулся Уилл.

– Тебе так важно знать, признаю ли я это? – продолжал Томас. – Тебе мало того, что ты испортил мне фотку на выпускной альбом? Мне пофиг, а вот мама моя расстроилась.

Он провоцировал Уилла. Хотел, чтоб тот разозлился. Чтоб толкнул его или повысил голос. Хотел вывести его из себя, ведь знал, что получит небольшое, но удовлетворение от этого.

– Знаешь, что самое забавное, Уилли? Что ты встречался с моей бывшей девушкой, обзывал ее шлюхой, хотя был у нее первый. Что отправлял ее обнаженные фотки своим друзьям, лишь бы показать им, «какая цыпочка тебе досталась». Ты не хотел защищать ее, когда ее пытались изнасиловать. Тебе было все равно. И теперь я ненавижу тебя еще больше за то, что ты такой урод и просто не можешь оставить ни меня, ни Лию в покое.

Томас говорил и чувствовал, как закипает внутри. Он ненавидел этого подонка с того момента, как узнал обо всем этом. К сожалению или к счастью, Том еще не был наслышан о его деяниях тогда, когда Уилл бил его в школьном коридоре.

– Элисон тупая дура и шалава, которая отчаялась после расставания со мной и, лишь бы не чувствовать одиночества, кинулась в постель к тебе, – отвечал Уилл.

Томас и Элисон расстались год назад. Она забрала с собой всю его душу, и теперь ее имя болезненно отозвалось в его сердце и сознании. Том закипал, Том загорался. Он ненавидел Уилла с каждым словом все больше и больше, но продолжал говорить, вместо того чтобы ударить.

– Мне так жаль твоих родителей, – сказал Томас. – Наверное, им горячо обидно, что выросло такое чмо вместо сына. Ты возомнил себя классным. Я погляжу, за твоей спиной компания таких же отбитых спортсменов, как ты. Но респект тебе за то, что ты не прячешься за их спинами. И все же, принцесса, в отличие от тебя, у меня хотя бы есть яйца.

Уилл не выдержал и пихнул Томаса в грудь. Том сделал шаг назад, рассмеялся, покачивая головой и, внезапно, схватившись за плечи Уилла, ударил его головой – отомстил за тот раз. Уилл пошатнулся, но не упал, схватил Тома за ремень и куртку и повалился на пол. Его компания бросилась помогать: запинывать Тома или держать его руки, пока Уилл бьет его по лицу.

К сожалению для «отбитых», многие, кто отдыхал в этом клубе не первый раз – приятели Тома, что бросились в атаку на спортсменов с криками и безудержной злостью. Вся толпа превратилась в бушующее море, готовое поглотить всех, кто по своей глупости сунулся.

Уилл все еще держал Тома за ремень, но вторую руку отпустил и стал бить противника по лицу. Томас подставил лицо под удар, схлопотав дважды, прежде чем удалось схватить Уилла за оба запястья. Теперь их руки заняты, и мастерство Тома, наработанное двумя годами, не играло никакой роли. Их драка превратилась в испытание выносливости среди всего балагана, что разросся вокруг.

Томас попытался повалить Уилла, но усталое, расслабленное от алкоголя тело не позволяло этого. Они продолжали бороться, и Томас сквозь зубы продолжал говорить о никчемности спортсмена, выводя того из себя еще больше. Том улыбался и смеялся, но на его лице начинала появляться усталость.

Уилл освободил одну руку и тут же ею стал бить юношу по лицу. Он освободил и вторую, взял того за ворот футболки, торчащей из-под куртки, приподнял и со всей силы ударил затылком о пол. Томас понял, что будет за долю секунды до удара и успел подставить руку под затылок. Он схватил руки Уилла, сорвал их со своей одежды и еще раз ударил того головой по лицу. Удар был не таким сильным, как первый, и не таким точным, но этого хватило, чтобы вырваться.

Они с Уиллом поднялись одновременно, но не бросились друг на друга вновь – их стороны растащили их друг от друга. Томас глазами нашел среди спортсменов Лию и посмотрел на нее. Ее взгляд был точно такой же, как в тот день в школе. Такой знакомый.

– Вот теперь я пялюсь на НЕ твою девчонку, Уилли, – крикнул Томас. – И что ты мне сделаешь?

Уилл дернулся, но его остановили. Томас убрал руку своего друга Питера с груди и пошел в сторону противоположной команды. Все стояли насторожено, и никто не бросался на незащищенного юношу. Он подошел к Лии, улыбнулся ей, поприветствовал.

– А вас, девушки, я приглашаю пройти со мной в VIP-зону, – его голос звучал спокойно, и теперь он уже не отрывал глаз от светловолосой девушки, что смущенно глядела на свою подругу.

3

– Так ты сам основал этот клуб? – спросила Фиби, откровенно кокетничая с Томасом. За несколько минут она успела выпросить место в VIP-зоне еще и для Калеба, ведь тут стояли кальяны, и был мальчик, похожий на гея, который явно понравился бы их другу. Лии казалось, что когда-нибудь эти шутки перейдут все границы.

– Не без помощи моих друзей, – отвечал Томас. Его голос был равнодушен и чересчур спокоен. Лиа просидела с ним около получаса в одном помещении и понимала, что он вовсе не похож на того мальчика, что она знала в школе. Еще в выпускном классе он был хилым парнишкой, похожим больше на ребенка, чем на выпускника. А теперь перед ней красивый парень со взрослым лицом, который даже подрос на пару сантиметров, сменил прическу и стал одеваться еще лучше, чем в школе. По егоговору можно было сказать, что и его голос «доломался».

Рядом с ним на диване, закинув на его колени ноги, сидела девушка, кажется, Рейчел. Она курила и почти не участвовала в разговоре. Среди всех она выделялась своей внешностью. В отличие от светлых Тома и Лии, она была смуглой, темноволосой и кареглазой. С большими губами и густыми бровями. Даже Фиби на ее фоне казалась блекловатой.

– А ты все еще тусуешься с этим болваном? – спросил Томас, и до Лии не сразу дошло, что вопрос адресован ей. Она поглядела на парня: он сидел, развалившись на диване, парил и медленно потягивал что-то из бутылки. Его взгляд буквально был прикован к ней.

– Уилл не плохой, – ответила она, но тут же поежилась от того, что произошло сегодня: от слов Томаса про Уилла, про то, как повели себя спортсмены. – Он просто поступил в тот же университет, что и я. И подружился с Фиби как-то одновременно со мной. Вот мы и тусуемся в одной компании.

– Ты не давай ему только, – сказал Том, а затем сделал долгую затяжку и выдохнул сладкий пар.

– Что? – опешила девушка.

– Не спи с ним, – повторил Томас.

– Может, она сама разберется, с кем спать? – бросила Рейчел. – Или ты запал?

– Иди ты, Рид, – покачал головой Том. Уголок его губ дрогнул, но это не было похоже на улыбку. – Уилл тот еще говнюк, а Лиа девчонка неплохая. Чувствуешь связь?

– Ну да, ты опасаясь того, что он замутит с ней быстрее, чем ты, – продолжала издеваться девушка.

Лиа допила из бокала шампанское, которым Томас угостил их, и налила себе еще, лишь бы отвлечься от неловкого разговора.

– Знаешь, то, что он угостил вас шампанским за свой счет – многое значит, – Рид глянула на девушек. – Он даже меня не угощает, даже скидочку не делает.

– А мне делает! – прокричал кто-то недалеко. Лиа наклонилась посмотреть, и увидела того парня, что Фиби приметила для Калеба.

– Что он тебе делает, Питти? – рассмеялась Рейчел.

Ли́а заулыбалась, а затем краем глаза заметила, что Том смотрит на нее пристально и внимательно. В его глазах не осталось ничего от того парня, что она знала в школе. Тогда он был смущающимся и гораздо менее уверенным. Сейчас же его лицо не выражает никаких эмоций, кроме жуткого холода и доли заинтересованности. А может, это игра света в его голубых глазах.

Ли́а смотрела на него молча, время от времени побеждено отводя взгляд, пока Томаса не отвлекли. До этого его не волновали ни разговоры, ни вопросы, ни какие-то слова. Он отвечал, но вскользь, все не отпуская девушку из своего пристального взгляда.

– Он на тебя пялится, – прошептала Фиби на ухо.

– Я знаю, – стесненно ответила девушка. Но после еще пары выпитых бокалов игристого вина Ли́а сама начала играть с Томасом в гляделки. И это смогло вызвать мимолетную улыбку на его каменном лице.

Питер, предполагаемый гей и друг Тома, наклонился к нему и что-то прошептал. Ли́а на долю секунды увидела в глазах Томаса неподдельный страх. Но он тут же вновь сменился спокойствием. Том встал, допил то, что оставалось у него в бутылке, сделал затяжку, протянул мод Ли́и и ушел, оставляя за собой облако пара.

Его не было долго, но Ли́а знала, что он ушел на улицу.

– А что случилось? – спросила она Рейчел.

Та глянула на нее с улыбкой, делая затяжку самокрученной сигареты.

– Его бывшая пришла повидаться спустя год, – ответила Рид. – На самом деле, плохи его дела.

– В каком смысле?

Но на этот вопрос Рид не ответила, лишь опрокинула голову назад и выдохнула дым.

– Сходи за ним, – предложила Фиби. – Подойди к нему сзади, обними, спроси, что случилось. Встретаться с бывшими – это горелое дело.

– Твоя подруга умные вещи говорит, – поддержала Рейчел. – Он, конечно, не признается тебе в том, что благодарен, но я поблагодарю тебя от всей души за его спасение.

– А почему ты сама этого не сделаешь? – спросила Ли́а, сомневаясь в разумности этого плана.

– Элисон знает меня, как облупленную, – закашлялась Рид. – Она не поверит, что я сплю с ее бывшим. А ты миленькая, и тебя она не знает. Давай, руки в ноги, и дуй спасать его. Ты же явно не равнодушна.

«Еще чего, – подумала Ли́а. – Я его толком не знаю, а нас уже сводят. Но была не была, может, я его последний раз вижу, чтоб опозориться».

4

Томас вышел из клуба с черного хода быстро, пусть и нехотя. Он спустился по лестнице, стараясь смотреть куда угодно, кроме нее. Но, подойдя ближе, ему уже некуда было прятать свои глаза.

Элисон улыбалась ему робко, смотрела по-доброму зелеными глазами, что дурманили разум Томаса куда сильнее наркотиков или алкоголя. Он видел много глаз, но эти... Эти заставляли его жить, а теперь стали тем, что он так хотел возненавидеть. Стали тем, из-за чего он пошел ко дну. Она курила. Начала, когда они расстались. Томас не понимал, с чего бы. Ведь именно она его бросила. По слухам, ушла к другому, кто, казалось, был лучше его во всем. Был полноценным, был уверенным, был смелым и решительным. Не страдал от эмоциональной нестабильности, не ставил проблемы с семьей и прочие выше хотелок своей девушки. Кто покупал ей цветы, кто катал ее на машине, кто дарил ей все самое дорогое.

И все же Том сходил с ума от присутствия рядом с ней. Ему хотелось упасть к ней в объятия, прижаться, запустить руку в эти черные волосы. Ему было омерзительно слышать, что

говорил про нее Уилл, какие слухи распускали про нее. И что-то из этого ведь могло быть правдой. Но он не верил, не хотел верить, не мог поверить.

– Привет, Томми, – проговорила она, туша окуроченной ногой. – Поговорим?

Томми. Его будто бы с цепи сорвало. Вся та нежность, что оставалась в нем, перекрылась ненавистью, что он пытался воспитать в себе, чтобы забыть ее. И ведь он забыл, уж год прошел. И вот она стоит перед ним снова, хочет поговорить, хочет вернуться.

– А зачем, Элисон? – Том убрал руки в карманы брюк и пожал плечами. – Ты пришла ко мне спустя год, чтобы поговорить? Для чего, Элисон? Скажи мне. Скажи мне, почему ты обманула меня, обвела вокруг пальца, развела меня? Для чего пряталась за любовь, если от меня не было толка? Ты ведь нашла себе лучше...

– То, что говорят про меня, – бред. Мы расстались, потому что не могли терпеть друг друга. Ты кучу раз говорил это, но никак не мог собраться с силами...

– Ах, так ты, значит, просто сделала все за меня? – нервно улыбнулся Том. – Ну спасибо, я же так этого просил, прямо умолял тебя решить все за меня. Знаешь, почему я не уходил? Потому что любил тебя. Я хотел бы упасть тебе в руки сейчас, но ты, чего хочешь ты?

Они замолчали, смотря друг на друга. Томас ждал, пока она что-нибудь скажет, чтобы придаться к этим словам, пока ее зеленые глаза не свели его с ума, пока не сделали его слабыми. Она смотрела на него, и Том видел, как ее глаза начинают слезиться.

«Нет, только не плачь, прошу» – мысленно простонал он.

– Я хочу вернуться к тебе, – прошептала она.

И Том сорвался.

– Вернуться? Ты нагулялась и решила вернуться? Что, оказалось, что есть люди хуже меня?..

– Я поняла, что не могу без тебя...

Чьи-то руки обволокли его сзади, остановились на груди, и чье-то тихое дыхание послышалось сбоку. Том мельком глянул, но не придал этому значения. И вовсе сделал вид, что не заметил, продолжая говорить.

– За год? За год, пока ты шлялась и спала непонятно с кем? Пока тусила, курила и бухала? Ты ведь этого и хотела, тебе же все не хватало свободы. Тебе хотелось тусить с парнями, чтобы я не возникал. Тебе же хотелось проводить выходные с подругами в клубе и ночевать неизвестно где, чем провести вечер со мной? Знаешь что, Элисон? Ты – худшее, что случилось в моей жизни. Проваливай отсюда и больше никогда не появляйся в моей жизни.

– Мне больно слышать такое, – сказала Элисон, опустив глаза вниз. – Когда-то ты говорил другое.

– Ты тоже говорила, что любишь меня, – бросил напоследок Томас.

Он подыграл Лие, обнял ее за талию и пошел обратно в клуб. А внутри бушевал пожар, который ему срочно нужно было потушить. «Ты же хотел чувствовать, – укоризненно подумал Том, – вот, получи. И впредь будь осторожнее в своих желаниях».

– Тебе завтра на учебу? – спросил парень. Девушка отрицательно покачала. – Тогда мы сейчас нажремся, как перед концом света.

ГЛАВА 2

1

Сон был теплым, сладким, каким-то даже по-детски крепким. Лиа чувствовала себя отдохнувшей и бодрой, первые несколько секунд считая, что проснулась после хорошего сна. А во сне этом она была той, кем запрещали ей быть родители. Она пила, веселилась, танцевала, пыталась парить и каждый раз кашляла и захлебывала паром. Она думала, что откроет глаза, а перед ней уже привычная картина: Фиби красится перед новым днем. Или примеряет одежду, ворча, что носить нечего.

Только вот стоило открыть ей глаза, как девушка поняла, что это был вовсе не сон. Свет был слишком ярким, она зажмурилась. И в этом свете этот «сон» развеялся без следа, мелькали какие-то обрывки, что никак не воссоединялись воедино. Но секундного взгляда хватило, чтобы понять, что спит она не в своей постели и даже не в общежитии. Девушка резко поднялась и тут же пожалела из-за головной боли, что тяжелым грузом ударила ее.

«Так, я не помню, как оказалась непонятно в чьей постели...»

Первым делом она проверила, одета ли. На ней было нижнее белье и джинсы, но не было кофты. Паника. Она не помнила почти ничего после того, как вернулась с Томасом с улицы. Лиа огляделась.

Комната была просторной и светлой, прямо перед ней было большое окно. Она резко поднялась на ноги и подошла к нему. На улице всюду светило солнце, были видны одинаковые скромные дома, расписание граффити. Значит, она все еще в этом квартале. Прожужжал телефон, стоявший на зарядке.

Фиби: подруга, ты как? живая?

Лиа: Да, и тебе доброе утро. Ты где?

Фиби: я вчера познакомилась с одним молодым человеком...

Лиа: Так где ты?

Фиби: я у него, не переживай.

Лиа: Окей

Фиби: ты уже в общежитии?

Лиа: Нет

Фиби: напиши, как поедешь. целую.

Лиа: Окей

На кровати лежала чистая футболка. На два размера больше того, что носила девушка, но это лучше, чем искать хозяина дома в одном лифчике. Лиа открыла дверь. Откуда-то доносились тихая музыка и шипение сковороды. Пахло вкусно, и живот заурчал. И все же больше ей хотелось сейчас холодной воды.

«Ты вчера знатно напилась, – с долей гордости подумала девушка. – Можно считать, теперь ты своя среди остальных. А то раньше дразнили...»

Она, хмурясь, повернула в открытую дверь и увидела Томаса, старательно что-то жарящего у плиты. Кухня была небольшой и куда скромнее комнаты. Парень обернулся не сразу, лишь когда Лиа отодвинула стул и села на него.

– Доброе утро, – проговорил он и тут же поставил перед ней стакан с чистой водой.

Девушка опустошила его быстро, отмечая, как же чертовски вкусна простая вода.

– Том? – спросила она.

– Мм?

– Вчера... между нами что-то было? – вопрос был неловким, и она бы засмузилась еще больше, если бы Томас смотрел на нее.

– Ты бы запомнила, – сказал он, едва слышно хмыкнув. – Ты ничего не помнишь?

– Едва ли, – вздохнула Лиа. – Я помню, но очень смутно, и...

– Если что-то и было, то на девственность твою я не покушался, это точно, – медленно, растягивая слова, сказал Томас и поставил перед девушкой большую тарелку жареных яиц с беконом и две вилки.

– А почему ты так уверен, что я девственница? – сорвалось с уст девушки.

– Ты сама меня вчера в этом уверяла, – отвечал парень, садясь напротив нее. – Приятного аппетита.

– И тебе. А где все остальные?

Ли́а лениво отрезала кусочек бекона и положила его в рот, глядя на Томаса. Он равнодушно жевал яйца, все не сводя глаз с девушки. Она думала, он такой смелый лишь под алкоголем. Но и сейчас Том был также спокоен и немного заинтересован.

– Разъехались, – коротко бросил Том.

«Кажется, я ему не нравлюсь. Вчера он говорил куда больше, нежели сейчас. Неужели я из тех, кто интересен только под алкоголь?».

– А где моя кофта?

– Постиранный висит в ванной. Ты вообще ничего не помнишь?

– Я помню все хорошо до момента, как мы начали играть в алкопонг. Ты попадал больше всех и все помнишь?

Томас усмехнулся.

– Самая лучшая память у Рейчел, а она любит звонить, пока гуляет с собакой. А собака любит гулять по десять раз за утро.

Ли́а улыбнулась, Томас тоже. Но все равно Ли́е казалось, что в его глазах не хватает какой-то искры, искренности. И все же не ей копать у него в голове.

– Я помню какие-то обрывки, – добавила Ли́а.

– Рассказывай, что помнишь. Я дополню.

2

Ли́а была польщена, что все время внимание Томаса было приковано к ней. Но после встречи с Элисон он отдалился. Они сидели на противоположных диванах, и все же его взгляд был прикован уже к другой девушке. Он улыбался ей, пусть и как-то натянуто, но улыбка его казалась хищной в неоновом свете клуба.

Позже они начали разговаривать, когда Томас оставил девочек одних. Время отсутствия Тома могло тянуться вечно, если бы Рейчел не закричала: «Готовьте стаканчики, неудачники, сейчас мамочка надерет вам задницы в алкопонге!». Ждать долго не пришлось, как на двух сдвинутых столиках выстроились бумажные стаканчики.

– Пойдем, – подскочила Фиби и потащила Ли́ю за собой.

– А что нужно делать? – спросила девушка у подруги на ухо, чтобы никто не подумал, какая она глупая.

– Кидаешь шарик и в какой попадешь – содержимое того и пьешь, – ответила Рейчел, которая стояла недалеко. «Черт» – мысленно выругалась Ли́а. – Показать, как надо?

Рид прицелилась и бросила. Шарик отскочил от стола и упал в один из наполненных чем-то стаканов.

– Выглядит просто, – отметила Ли́а, взглядом сопровождая все движения Рейчел: вот она тянется к стаканчику, опрокидывает его, опустошает, достает мокрый шарик и ставит стакан на место. Другая девушка быстро заполнила его снова. – Держи, красотка. Твой черед.

Ли́а сжала шарик и встала на место Рейчел. Прицелилась, стараясь не думать о том, как может опозориться. Она кинула: шарик полетел и попал в один из стаканчиков. Радуюсь, девушка тут же схватила его и быстро выпила. А потом сморщилась, запищала. Рейчел и Фиби засмеялись.

– Что там? – спросила Фибс.

– Это явно было не шампанское, – проговорила Ли́а, пытаясь взглядом найти то, чем бы закусить.

Рид протянула ей дольку шоколада. Она положила ее на язык и показала Рид шарик, спрашивая, кому? Рейч кивнула куда-то назад, и, обернувшись, Ли́а увидела стоящего за ней Томаса. Он взял шарик из ее рук, нечаянно прикоснувшись к ее пальцам подушечками своих. Девушка на момент задержала дыхание и выдохнула лишь тогда, когда Том отошел к столу.

Он не целился, а лишь легкой рукой бросил шарик. Тот, конечно же, попал. «Какой-то он слишком идеальный» – надув губы, подумала Ли́а. Он выпил и протянул шарик Фиби.

– Я лучше посмотрю, – отмахнулась подруга.

– Да ладно тебе, – настаивал Том. – Давай.

– Ты хочешь меня спить? – улыбнулась она.

– Может, и так.

– Тогда лучше брось сам, а я выпью.

Томас воспринял это всерьез, бросил и попал.

– Пей, – указал он рукой на стол. – Рейчел, кидай.

Как потом оказалось, играют по четыре человека, и команда постепенно меняется, когда кто-то в ходе выбывает. Лиа хотела бы закончить игру после первого броска, но Рейчел с таким довольным лицом протягивала ей шарик, что она не могла отказать. Да еще и Томас, который стоял рядом с ней. И Фиби, которая бы стала упрекать Лию в трусости, хотя сама всегда боялась участвовать в играх.

Четвертым игроком стал Питер, которого Рейчел буквально уломала. Тот отнекивался, говоря, что не любит эту игру, что не попадает и «что вы вообще меня трогаете, я курю кальян и никому не мешаю». Сошлось все к тому, что Рид взяла его на слабо.

Спустя пару-тройку попаданий (после, конечно же, пары промахов) Лиа втянулась в игру. И если после первого стаканчика Лиа попадала исключительно в пиво или шампанское, то Томас пил что покрепче, попадая каждый раз и иногда выпивая за друзей. Затем Лиа начала делить свои попадания с Фибс, ведь не одной ей напиваться в этой чертовой игре.

– Ох, черт, какая песня! – пропела Рейчел. – Играй, я пошла танцевать!

Она всучила шарик какому-то парню, подливающему алкоголь в стаканчики, и ушла. Подошла к барной стойке, переговорила с сидящим там мужчиной, смотря на него своим шальным взглядом. Он поднялся со стула, подал ей руку и помог подняться на деревянную поверхность.

– Микки, сделай погромче! – крикнула она диджею. – Вот так нужно веселиться, сучки...

Она начала танцевать, одновременно закуривая новую самокрутку. Подняла руки вверх, щелкая пальцами. Крутилась, не боясь оступиться. Двигала бедрами и телом, трогала волосы и выглядела так, будто хотела соблазнить каждого мужчину и каждую девушку в этом месте.

Томас вышел из игры следом, когда к нему вновь подошла та длинноногая модель, с которой он все разговаривал. Он поцеловал ее, сжал руками ее задницу; она запустила руку в его волосы, а вторую под футболку. Лиа бросила шарик, понадеялась, что это будет что-то крепкое, лишь бы не видеть той прелюдии, что разворачивалась за ее спиной. Опрокинула стаканчик, и жгучая жидкость обожгла ее горло. Они с Фиби снова отошли к тому столику, где сидели прежде.

– Кажется, я пьяная, – простонала Лиа, упав на колени к подруге.

– Пока ты там пила, я познакомилась с одним классным парнем, – довольно сказала Фибс. – Он предложил поехать к нему попозже. А я еще думала, что этот вечер – мой шанс найти кого-нибудь себе.

– Ты думаешь, что у тебя может быть что-то серьезное с парнем, которого ты нашла в клубе? – приподняла бровь Лиа.

– Почему сразу серьезное? Я же не замуж за него собираюсь, – цокнула подруга. Она смахнула кудрявые волосы на одну сторону и оперлась на руку. – Да и это мне говорит та, что весь вечер не спускает глаз с Томаса.

– Что?! – протянула Лиа, рассмеявшись. – Это он пялился на меня все время.

– Ага, и это он пошел уводить тебя от бывшей.

– Ты сама мне это предложила! – наигранно отвечала девушка. – Может, я делала это ради Рейчел?

– Так ты у нас теперь лесбиянка? – рассмеялась Фиби. – Вот такого я от тебя не ожидала. Хотя да, будь я тоже лесбиянкой, запала бы на нее. Ну ты только посмотри, как она танцует.

Ли́а и посмотре́ла.

– Ага! Уже пялишься? – удовлетворенная тем, что смогла заставить Лию посмотреть, закричала Фиби.

– Да ну тебя, – девушка пихнула подругу и поднялась с ее колен.

Она посмотре́ла в сторону какой-то двери, в которую еще никто не заходил, сколько они здесь были. И именно в этот момент в нее уходили Томас с той безымянной девушкой. Улыбка Ли́и сменилась хмуростью, и она поспешила допить уже выдохшееся шампанское, что оставалось у нее на столе. Фиби быстро заметила перемену настроения подруги. И, так же быстро поняв, в чем дело, протянула «оу».

– Когда я только узнала об этом клубе от одной моей знакомой, она рассказала, что ее подруга попала в VIP-зону, познакомилась с Томасом и в эту же ночь переспала с ним, – проговорила Фиби. Она продолжила, когда увидела скептический взгляд Ли́и. – Дело в том, что все, кто заходил с ним в эту комнату, говорят, что он никогда не раздевается.

– И что тогда они там делают? – спросила Ли́а, устроившись на диване удобнее.

– Девушки-то раздеваются. Раздеваются полностью.

– И как он с ними?..

– Ну, у него есть пальцы и язык, – пожалала плечами Фиби.

– Фу, Фибс, – пихнула Ли́а подругу. Та рассмеялась. – Это делает его менее идеальным.

– Ты уже успела посчитать его идеальным?

– Ну, он никогда не проигрывает нигде, весь такой крутой, классный...

– И то, что он занимается сексом руками, делает его менее классным? – возмущенно спросила Фиби. – Знаешь?..

– И знать не хочу. Пошли выпьем.

– Я посмотрю, что ты скажешь, когда переспнешь с ним. Если он умеет...

– Ну, прекрати! – простонала Ли́а и ушла вперед.

Фиби уехала с тем парнем, про которого рассказывала. Ли́а сидела на диване рядом с еще парой людей, держась за голову. Еще один стакан чего угодно, и ее вывернет наружу. Из еды в ее желудке был только небольшой перекус перед отъездом и пара долек кофейного шоколада, которым угощала ее Рейчел.

Она искала глазами хотя бы Калеба и вспоминала об Уилле, который, скорее всего, сейчас напивался где-то на первом этаже. Возможно, там разгорелась новая драка. Как поняла Ли́а – многое в этом месте решается через силу. «Чисто мужское решение» – прыснула она, решив отложить осмысление на более позднее время.

Калеба нигде не было видно, а потом Ли́а заметила, как он вышел через черный ход на улицу с телефоном. После чего вернулся, подошел к девушке и наклонился к ней.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да, весьма, – ответила Ли́а, сдерживая непреодолимое желание выплюнуть наружу все выпитое.

– Выглядишь плохо, – заметил Калев. – Может, тебя в общагу отвезти?

– Ты куда-то торопишься? – спросила Ли́а, кивая на телефон. – Поезжай, я справлюсь, правда.

– А где Фиби?

– Уехала куда-то с новым мужиком, – отмахнулась Ли́а. – Ревнуешь?

– Ни грамма, – улыбнулся Калев. – Точно все в порядке?

– Да. Поезжай.

Калев еще немного поглядел на нее, кивнул и развернулся. Он вышел через первый этаж, и Ли́а больше не думала о том, где он. С каждой минутой ей становилось все хуже, и она начи-

нала ругать себя за то, что не согласилась поехать с Калемом. Но он явно куда-то опаздывал. Наверное, домой. Пай-мальчик, как никак.

Лиa поднялась, пытаясь в плывущей толпе найти Рейчел. Ее телефон сел, и вызвать такси было невозможно. Нужно было найти того, кто поможет ей уехать. Она шла, пытаясь сфокусироваться, и не заметила, как лбом воткнулась в чью-то грудь. Подняла глаза – перед ней Томас.

– Все в порядке? – спросил он, взяв ее за плечи.

– Да, ты не мог бы... – она замолчала, подавляя рвотный спазм, – не мог бы вызвать мне такси? Мой телефон сел и...

– Тебе не нужно такси, – проговорил он. – Рейчи! – он махнул рукой, подзывая подругу. – Рейчел проводит тебя до туалета. Я принесу воды.

Лиa не смогла ничего ответить, лишь последовала за Рейчел, резво несущейся куда-то вперед. Они зашли в светлое помещение, глаза Лии заболели от резких ярких уколов. Она припала к ближайшему унитазу, и Рейчел в последний момент успела схватить ее светлые локоны.

– Ты первый раз пьешь что ли? – спрашивала Рид. – Иначе не скажешь. Знаешь, если понравилось, и ты придешь к нам еще разок, то будет легче. Мамочка Рид научит тебя пить так, что никакая водка не будет брать тебя с первого стакана. Водку придумали русские и поляки. Люблю их! Но итальянцев за вермут я люблю еще больше. Ты как, живая?

Лиa кивнула, но еще не была готова отлипнуть от унитаза.

– Ничего, каждый из нас проходил через знакомство с «белым другом», – продолжала Рид, навалившись на стену. – Лучше ты научишься пить с нами, чем в компании тех, кто остался внизу.

– Как она? – слышался голос Томаса. Он присел на корточки и протянул девушке бокал чистой воды.

Лиa сделала пару мелких глотков, затем еще. Ей стало лучше: легче в желудке, но руки все равно немного тряслись от ожидания неприятного.

– Спать? – спросил он. Девушка покачала головой.

– Сейчас я посижу немного, и мне станет легче, обещаю, – пробубнила Лиa, прислонилась спиной к холодной стене. – Или все-таки спать...

3

– Как стыдно, – простонала Лиa, запрокинув голову назад.

– Ты выглядела весьма мило, – отметил Томас. – Отрубившаяся рядом с «белым другом», да еще и с блевотиной на кофте.

– Фуу...

Томас едва рассмеялся.

– Доедай, собирайся, и я отвезу тебя домой, – прореканил Том и вышел из-за стола. – Посуду поставишь в раковину, потом помою.

Он ушел, Лиa проводила его взглядом и встала со стула. Собрала тарелки и кружки, поставила в раковину и включила воду. Ей нужно было хоть как-то помочь ему после всего, что было вчера ночью. Это не заняло больше пяти минут, но хотя бы ему потом не отскабливать засохшее.

Она вернулась в комнату, застав Томаса без футболки. Она отвернулась, услышав тихий смешок. Парень надел кофту и пошел на выход. Остановился только рядом с ней на пару секунд.

– Можешь оставить себе эту футболку, – сказал он, оглядев девушку, – как сувенир. Тебе идет.

Ее кофта, постиранная и сухая, лежала на кровати. Она еще раз осмотрелась в комнате, прежде чем покинуть ее, скорее всего, навсегда. Вряд ли когда-то она напьется еще раз

настолько, чтобы быть не в состоянии возвращаться домой. Или, того хуже (или к сожалению?) пойдет с ним посреди вечеринки сюда вдвоем.

На столе у противоположной стены лежал фотоаппарат. На вид дорогой. Рядом с ним несколько объективов и карт памяти. Тут же выключенный ноутбук. На натянутой леске были прицеплены распечатанные фотографии. На них Рейчел, Питер, сам Томас, еще какие-то люди. Какие-то фотографии сделаны в клубе со вспышкой: с алкоголем, с сигаретами, паром. Какие-то с фотосессий. «Рейчел хорошая модель, – отметила Лиа, рассматривая ее фотографии. – Так Томас фотограф?»

Да, она вспомнила, что в школе он был фотокорреспондентом для газеты. И когда-то он даже фотографировал ее для какой-то статьи о спорте. Девушке показалось классным и милым, что спустя столько лет Том не бросил любимое дело.

«Может, попросить у него фотосессию?» – промелькнуло у нее в голове.

И в тот же момент раздался голос около входа.

– Могу когда-нибудь и тебя пофотографировать, – Томас стоял, скрестив руки на груди.

– А если бы я переодевалась?

– Но ты же не переодевалась.

– А если бы?..

– Ты готова?

Лиа кивнула.

– Тогда пошли.

Томас открыл пассажирскую дверь своей машины, и Лиа забралась внутрь. Она закусила губу, провожая его взглядом, пока он не сел за руль. Ему хватило услышать название университета, чтобы знать, к какому общежитию ехать. Но Лиа видела на его лице некое недовольство и нежелание, и все же они поехали.

Он держался спокойно и отстраненно. Завел двигатель, выехал с места парковки и включил музыку.

– Это Оффспринг?

– Да. Неужели кто-то знает о них, кроме Рейчел? – Том поглядел на нее, и Лиа не смогла сдержать смущенной улыбки. От этого и губы Тома изогнулись в полуулыбке.

– Мой старший брат любил это группу, – ответила Лиа, опустив взгляд. Она давно не вспоминала о нем. – Я была маленькой, но именно эту песню помню.

– Любил? – спросил парень, все так же смотря на девушку. «Он вообще не хочет посмотреть на дорогу?»

– Он погиб четыре года назад, – пояснила Лиа. Она поджала губы, надеясь, что душевная боль, спрятанная где-то в глубине сердца, не захочет вырваться. – Разбился на мотоцикле. Именно поэтому моя семья решила переехать сюда.

– Соболезную, – вздохнул Том и, наконец, перевел взгляд на дорогу.

Они ехали быстро, дорога была пустой. Лиа глядела в окно, рассматривая дома, что впервые видела в дневном свете. Музыка в машине сменялась резко: начиная от панка, заканчивая попсой. У Томаса весьма разнообразный вкус, и, черт, все песни были знакомыми. Хотелось подпевать, но девушка лишь еле заметно в такт качала головой.

– А ты живешь один? – спросила она, понадеявшись, что за это недолгое время сможет его немного узнать.

– Да.

– А где родители?

Томас поджал губы. Кажется, это его болезненная тема. И Лиа хотела уже себя осечь, но ведь она не знала этого.

– Они переехали, – ответил он сухо, поворачивая. «А ты?..» – А я остался, потому что не хотел уезжать отсюда. Тут лучший в штате творческий колледж, и я лет с шестнадцати меч-

тал в него поступить, чтобы обучаться у лучших фотографов города. Да и отношения с родителями у меня напряженные: мать часто говорила, что отец болеет из-за меня. И мне как-то не хотелось слышать это каждый день, зная, что отец медленно умирает, а это якобы моя вина.

Ли́а не знала, что ответить.

– Я видела твои снимки, – наконец сказала она. – У тебя талант.

– Спасибо, – бросил он.

«Спросить у него про возможность фотосессии? Или не стоит? Ведь он заикался об этом. Или это была какая-то шутка?»

– Когда ты говорил, что сможешь меня пофотографировать, ты шутил?

– С чего ты решила? – он перевел взгляд на нее, и Ли́а почувствовало странное волнение внизу живота. – У тебя красивая внешность. Не исконно модельная, конечно: ты низкая, и черты лица у тебя не... идеальные, – последнее слово он буквально выдавил из себя. – Но в этом и прелесть.

Она не знала, как принимать его слова: как комплемент?

– Спасибо, – усмехнулась она. Усмехнулся и он.

Они выехали в «большой город», и Ли́а вздохнула свободнее. Место, в котором они были, бесконечно смущало ее. Тот район, что, скорее, можно назвать неблагоприятным, пугал ее. А тут она чувствовала себя лучше, спокойнее. Эти люди, что, не торопясь, гуляли по паркам, шли вдоль дорог и стояли на пешеходных переходах, были так безмятежны в этот субботний день. Она поглядела в окно, краем глаза рассматривая лицо Томаса: сосредоточенное, хмурое, холодное. Он переключил песню и неожиданно вздрогнул. Губы искривились в улыбке, он прибавил громкость и стал пританцовывать, безмолвно подпевая.

Ли́а смотрела на него с широкой улыбкой.

– Что? – спросил он. – Я люблю эту песню.

Девушка вжалась в сидение и наигранно покачала головой.

– Что? – спросил он еще раз.

– Ничего-ничего, танцуй, – улыбнулась она.

«Может, вот его слабое место? Музыка?»

И Ли́а сидела все три минуты, глядя на него, улыбаясь, понимая, что сейчас он такой милый, классный и веселый (для своей обыденной безэмоциональности) – каким и должен выглядеть парень в его возрасте.

– Скоро Хэллоуин, – произнесла Ли́а, заметив, что все магазины уже тематически наряжались. Краем сознания она думала: «Предложи мне отметить его вместе», но потом пресекла себя.

– Хочешь отметить его в Баре? – произнес он, будто читая мысли. – Тебе отдам билет за половину цены, – они остановились, и Том посмотрел на нее. Вновь та крупинка заинтересованности, что была в нем вчера вечером.

– Я подумаю над этим, – улыбнулась Ли́а, и машина тронулась снова.

Они доехали чертовски быстро за всеми этими разговорами. И именно в последний момент, когда Том выходил из машины, чтобы открыть Ли́е дверь, она заметила засосы на его шее. Она почувствовала одновременно и досаду, и огорчение, и ревность, и недовольство. И ни одного приятного чувства.

«Ты знаешь его меньше суток, успокойся!».

Но Ли́а не думала, что это что-то серьезное. Наверняка, она забудет о нем уже к сегодняшнему вечеру, а до возможного Хэллоуина и вовсе не увидится с ним.

Она вышла из машины, но остановилась, на пятке развернувшись к Томасу.

– Обняться на прощанье хочешь? – спросил он, включая мод и прокапывая вату. Ли́а заметила его избитые косточки на руках. Он сделал затяжку и выдохнул сладкий пар в лицо девушки. Пахло какими-то фруктами.

– А что, ты любишь обниматься? – вопросом ответила Лиа.

– Может и так, – пожал плечами он, но тут же поднял указательный палец вверх и велел ей подождать. Достал из машины бумажку и ручку, быстро что-то черкнул и протянул ей. – Позвони мне, если надумаешь со своими друзьями взять билеты подешевле.

Лиа взглянула на листочек. Его почерк был аккуратным, и она никогда бы не подумала, что это написал парень. Девушка знала, как писали парни из ее окружения – как курица лапой. А тут были аккуратные угловые цифры с легким нажимом с небольшим наклоном вправо... Она даже позавидовала. Внизу была шуточная фраза: «Позвони, если захочешь провести вечер в компании „белого друга“».

– Да ты шутник, – улыбнулась Лиа и положила бумажку в чехол телефона. – Пока.

– Пока, – помедлив, ответил Том, делая новую затяжку.

«Не обнял» – подумала она.

4

На удивление, на лестнице никто не сидел. На подоконнике между первым и вторым этажом сидело две девочки, обе заплаканные и огорченные. Было ужасно тихо. Лиа прошла дальше, остановилась у комнаты Фиби. «Черт, я забыла ей позвонить». Дверь была закрыта. На стук никто не ответил. Лиа ушла в свою комнату, закрыла дверь и упала на кровать. Из головы не выходил чертов Том с его заинтересованным, но холодным взглядом. Не покидало голову и то, что он так переменялся с их последней встречи.

Она часто видела его в школьных коридорах, иногда они здоровались, но совсем редко, когда Лиа делала первый шаг. Томас обычно просто смотрел на нее, чаще с другого конца холла. И она видела эти взгляды. Он был заинтересован, но не уверен.

А что Лиа? Какое-то время она даже пугалась его взгляда: он был такой же пристальный, как сейчас, только в разы теплее и живее. Она смотрела на него, и Тому хватало секунды, чтобы смутиться и отвести взгляд. Хорошо, хоть Уилл не видел их переглядок. А то избил бы Томаса еще раньше, и не раз.

Да и в тот день Том правда смотрел на нее. Но не пялился, возможно, лелеял, но не пялился. Его взгляд не был «извращенским», как говорил Уилл, или хищным, как вчера вечером. Он был теплым, какую-то малость влюбленным. Лие бы хотелось сейчас видеть именно такие глаза Томаса. Но... Но ведь тогда он не привлекал ее. Он был для нее простым парнем, которого бьют и шугают. Он был, скорее, милым мальчиком со своим фотоаппаратом, который так и норовил сфотографировать кого-нибудь. Ей было неловко перед ним за поведение Уилла, и не больше. А сейчас он другой. Кто бы мог подумать...

Комната Лии была небольшой, как и все другие, и обставлена скромно: низкая пружинистая кровать, стол, на котором разбросаны тетради и книги. Кресло-мешок в углу, на котором уже несколько месяцев никто не сидел. На стене возле кровати фотографии и всякие плакаты, которые она повесила сразу же, как заселилась. Рядом со столом стоял синтезатор. Она так давно на нем не играла...

Девушка подошла к зеркалу и рассмотрела, наконец, футболку, что дал ей Томас. На груди крупным шрифтом вышиты слова «Живи быстро», внизу и на рукаве нашивки фирмы. Лиа заправила ее в джинсы и все же решила позвонить Фиби.

– Алло, Фибс? Я забыла тебе перезвонить...

– Я видела машину Томаса, ты приехала?

– Да.

– Приходи к унику, тут такое...

– Что?

– Просто приходи.

Фиби сбросила. Ее голос звучал удивленно и напугано. Больше напугано.

За окном потемнело, Лиа выглянула. Небо затянулось свинцовыми тучами, по крыше застучали капли дождя. Девушка набросила на футболку джинсовую куртку и выбежала из общежития.

Университет стоял буквально через дорогу от корпусов общежитий. Дождь усилился, и девушка пожалела, что не взяла с собой зонт. Пересекая улицу, она размышляла, что же такого срочного могло случиться. Она прикинула многое, но все казалось каким-то глупым. Идти было совсем немного, но Лиа буквально сгорала от нетерпения.

Она заметила друзей, стоящих на ступенях университета неподвижными темными фигурами. Ускорила шаг и остолбенела, только заметив, из-за чего они тут собрались. На крыльце были возложены цветы, поставлены свечи, огонек которых трепал беспорядочный ветер. Стояла доска, исписанная теплыми словами. Усажены игрушки, поставлена даже бутылка вина и пачка сигарет (чья-то, видимо, неудачная шутка).

Но самое главное – фотография девушки.

– Элисон, – прошептала Лиа.

5

Сладкий туман заполнил комнату Томаса так, что практически ничего не было видно. Томас сидел на краю кровати с одним и тем же выражением лица уже на протяжении часа, задумавшись, смотрел в одну точку. Он не выражал ничего, лицо хмурое и бесстрастное. Но не такое, как обычно. Не такое холодное, теперь оно озабочено, напугано, смущено.

Рейчел полулежа сидела позади него, курила, о чем-то рассказывала. Том практически не слушал ее, лишь изредка безразлично комментировал какие-то вырванные фразы, что находили в себе силы достучаться до его сознания. Перед его лицом были лишь две картины.

Первая. Вчерашний вечер, и Элли с сигаретой в руке. Она была так чертовски красива, одета во все черное, с одними лишь белыми ботинками. Ее зеленые, слезящиеся от дыма и стыда, глаза смотрели прямо на него, но тогда это было так не важно. В тот момент он хотел ненавидеть ее за то, что она осмелилась сунуться в его жизнь спустя год.

Спустя год, за который он успел потерять самого себя. За год, который сделал его, казалось бы, бездушным подонком. Половина его жизни ушла вместе с ней, важная часть души ушла с ней. Та часть души, без которой жить можно, но не хочется. На его запястьях все еще следы этой потери.

Он стал критичным, чересчур рациональным. У него были принципы, от которых он ни за что не отказывался. Тогда он потерял большую часть друзей, что были с ним из-за его внутреннего мира. Остались лишь Питер и Рейчел, и если Питер был с ним только из-за клуба, которым они вместе заправляли, то Рейчел оставалась только потому, что любила Томаса.

Нет, не так, как любят девушки парней. Она любила его как друга, скорее, даже как брата. Она прошла с ним через все, она перевязывала ему руки и успокаивала во время нервных срывов. Тогда она буквально жила с ним в одной комнате и видела все это. Видела, терпела и помогала.

Ей было сложно, ведь тогда навалились и проблемы с семьей, и она задолжала денег барыгам, из-за чего ее чуть ли не убить хотели. Они помогали друг другу, но Том все же в меньшей мере. И теперь ему так неловко за то, что он игнорирует ее сейчас. Ведь она, можно сказать, – все, что есть у него. Самый близкий человек. Почти родная кровь.

Вторая. Ее фотография на крыльце университета. Томас нечаянно заметил ее издали, пока проезжал на машине. Его охватили воспоминания того, как он мчался после пар в колледже к Элли, чтобы забрать ее, чтобы поехать к нему. И он посмотрел на это чертово крыльцо, ловя тяжелые воспоминания, и тут же почувствовал, как ушла земля из-под ног, увидев цветы и свечи. Она умерла.

Она ушла из его жизни дважды. В первый раз, когда бросила. Но тогда Том хотя бы успокаивал себя тем, что она счастлива. Ведь он любил ее и не желал ей ничего, кроме сча-

стья. А теперь она мертва. И черт знает, где она. Есть ли жизнь после смерти, а если да, счастлива ли она? Элисон была верующей. И если Рай есть, то она сейчас там? Забрал ли Бог ее душу из прекрасного тела?

Томас не читал новостей, не знал никаких подробностей. Он был просто не готов к этому, ведь даже принять тот факт, что она мертва, не мог. Это просто не укладывалось в голове, и он пугал сам себя своей пустотой и спокойностью.

Конечно, он понимал, что сам решил ничего не чувствовать. Что сам закрылся от эмоций и чувств, чтобы не травмировать себя, чтобы не делать себе больно еще раз. Он спал с девушками, но не рассматривал ни одну в качестве той, кому будет дарить цветы, сорванные около колледжа. Целовать под дождем или приглашать на танец посреди улицы в свете фонарей под музыку, включенную с телефона.

Прекратить чувствовать, замереть – стало его единственной возможностью выжить. После всех тех срывов и попыток причинить себе боль, Том был так напуган, он боялся самого себя, боялся проявлять чувства. И чтобы не обезуметь от переживаний и боли, он «прокрутил громкость» эмоций, да так и оставил датчик в том положении. Он кричал себе: «Я больше никогда не полюблю, не пущу никого в свою душу, не доверюсь, не буду идиотом, не буду наивным и глупым. Довольно! Хватит!». Он знал, что это плохо кончается, и решил больше никогда в это не соваться.

И началась его жизнь в изоляции и защитном костюме, что не подпускал к нему чувств. В него влюблялись, ему первыми признавались в чувствах те, кого он рассматривал только как способ удовлетворить свою ненасытную душу. Этот костюм не позволял ему испытывать хоть что-то. Хоть маленькую дольку какого-то ощущения. Он начал жить с огромной пустотой внутри.

После того, как он смог совладать с собой, он начал действовать: пытался отвлечься, забить свою голову другими мыслями. Тогда стал основательно заниматься клубом, подсел на наркотики, чтобы освободить свое сознание. Стал много пить и много драться. На его лице до сих пор есть синяки, что, кажется, никогда не проходят.

И тогда началась игра: «Выпить, переспать, закинуться».

Быстро снимал напряжение, не понимая, что вызвало тревогу и страх. Он подавлял ее за секунду острым желанием что-нибудь в себя запихнуть. Все стало для него механизмом защиты, способом регулирования эмоций. А потом вошло в привычку.

Тела девушек, которых он уводил в свою комнату, были лишь объектом. И ему было неважно, кто она такая. Иногда даже неважно, как ее зовут. Она просто была вещью, что он использовал для успокоения и удовлетворения. Жаль, что это удовлетворение длилось недолго.

– Томас? – окликнула его Рейчел. – Ты меня слушаешь?

– Да, – отмахнулся он, но совершенно не знал, о чем она рассказывала. Рид буквально вырвала его из своих мыслей. – Я пойду возьму что-нибудь выпить. Тебе надо?

– Не откажусь.

Он встал, прохрустел всеми позвонками и только тогда вышел. Путь до бара казался каким-то утомительно долгим, ноги не слушали его, каменели или, наоборот, становились какими-то ватными. Том остановился у стойки, облокотился на нее, сделал затяжку. Немного подержал пар внутри, затем выдохнул, будто стараясь выдохнуть все свои ощущения. Но ему бы вдохнуть хоть что-то.

Взял бутылку вермута, сок, один стакан. Не удержался и открыл бутылку, не возвращаясь назад. Отпил из горла, сморщился. Нет, он не мог вернуться к Рейчел сейчас. Он уселся на один из диванов, пнув ногой мусор, что остался со вчерашней вечеринки. Том уронил голову, продолжая парить, надеясь, что пар или алкоголь ударит в голову.

Он не знал, сколько просидел тут. Пару минут, не больше, ведь Рейч даже не вышла его проведать. В сознание его привел звонок в дверь, что выходила на задний двор – черный ход. Томас лениво поднялся, спустился по лестнице и открыл дверь. На пороге стояла Лиа.

Она смотрела на него как-то возбужденно, будто бежала от общежития до клуба на двух своих.

– Лиа? – спросил он, думая, вдруг ему уже мерещится.

– Прости, что не позвонила, не предупредила, я просто... – протараторила она. – Можно мне войти?

– Входи, – кинул он, пропуская ее внутрь.

Они поднялись по лестнице, и только Томас хотел спросить, будет ли она пить и зачем вообще приехала, как Лиа спросила:

– Может, помочь с уборкой?

– Можно, – кивнул он. – Давай я покажу тебе, что где лежит.

Рейчел вышла из комнаты в тот же момент с выражением лица «и долго мне ждать мой вермут с соком?», но вместо этого выдала удивленное «о».

– Как самочувствие? – с усмешкой спросила она. – Наверное, хреново было после вчерашнего?

– Я думала, будет хуже, – улыбнулась девушка. На щеках ее проступили ямочки, Томас остановил взгляд на ее губах, щеках и шее. – А ты как?

– О, да я прекрасно, – Рид была польщена вопросом, ведь нечасто ей удавалось похвастаться, как удается сохранить рассудок упитой и укуренной. – Увидела сегодня видео в «Инстаграме», как я танцую на барной стойке. Это так сексуально.

– По-другому и не скажешь, – поддержала Лиа.

Том оторвал задумчивый взгляд с Лии только тогда, когда сама девушка подошла к нему ближе.

– Покажешь все? – спросила она.

– Рейчи, покажи все, я пока отойду, – тихо проговорил он, уходя за дверь своей комнаты.

Он запер дверь, опустился на пол и уткнул голову в колени. А на душе пустота. Пустота, что пугала Томаса, что втягивала его в себя, словно черная дыра. Он сидел так в полной тишине, слыша лишь обрывки разговора девочек.

– Как он? – спросила Лиа. Она все знает. Еще бы, они учатся в одном университете. Учились.

– Хреново, – вздохнула Рейч. – Нет, милая, стекло сюда. Я пыталась говорить с ним, не задевая этой темы, но он меня вообще не слушал. Ну, ты видела, какой он рассеянный.

– Ему можно как-то помочь?

– Ты знаешь его день, с чего бы такая забота? – усмехнулась Рейчел.

– Вчера меня пьяную он не выпнул на улицу, а уложил спать. Постирал мою кофту, накормил завтраком и отвез в общагу, – ответила Лиа, кряхтя. – Я признательна ему, а тут такое...

– Он тебе понравился, – резко произнесла Рид.

– Что? – протянула Лиа. – С чего ты решила?

– Я не слепая, подруга, – отвечала Рейчел.

– Так как ему можно помочь? – отводила тему девушка.

– Нужно дать ему время, но быть рядом. Он сильный, – прозвучал характерный звук броска пластиковой бутылки в мусорное ведро: Рейчел любила так делать, а потом хвастаться тем, что в детстве всегда обыгрывала парней в баскетболе. Но сейчас она этого не сделала. – Кто-то считает, что он не способен на проявление сильных эмоций. Но это совершенно не так. Страх и боль – самые сильные эмоции, и проблема в том, что для Томаса они разрушительны.

Они шли вдоль желтых домов, что в свете фонарей казались еще желтее. Небо продолжало плакать, и куртка Томаса была уже насквозь мокрой. Лиа шла рядом с ним молча, опустив глаза к земле. Она будто искала что-то там, на полу. А Том неизменно смотрел вперед, ловя себя на мысли, что именно в этот момент он начинает осознавать, что случилось.

Он был напряжен, его плечи подрагивали, дыхание сбивалось, но он продолжал идти. Планировал вызвать Лие такси от клуба, а самому запереться дома, допить тот вермут, что он открыл, перестрадать в гордом одиночестве. Ему не хотелось впутывать в свое падение кого-то стороннего, даже Рейчел, что они только что проводили до дома.

Улица была безлюдной, пустой, совершенно не живой. Они с Лией были вдвоем, но отдельно друг от друга. Никто из них не осмеливался заговорить. А Томасу и вовсе не нужны были разговоры, ему хотелось поскорее вернуться домой.

Они подошли к клубу, когда Лиа все-таки решилась заговорить.

«Прошу, не говори ничего, – мысленно молил он. – Не стоит».

– Я соболезнаю, – промолвила она неуверенно, будто сама не хотела говорить этого.

Томас сдавленно прорычал.

– Что мне от этих сожалений? – спросил он, подавшись вперед. – Они не сделают мне легче. Осознание того, что кто-то, кто совершенно не знал Элисон, скорбит по ее смерти, не делает мне лучше.

Лиа опешила. Она отступила на шаг, и Том заметил, как от страха дернулись ее плечи.

А он смотрел на нее кричащими от боли кристально чистыми голубыми глазами. Он знал, что она не виновата, что хочет помочь. Но ему неожиданно стало так плохо, будто все, что накопилось в нем за день осознания, вдруг вырвалось наружу. Нет, оно стояло комом в горле.

Девушка продолжала смотреть на него, на его подрагивающие губы, на вздымающуюся от глубоких вздохов грудь, на покрасневшие от гнева щеки. Он закусил губу, лишь бы усмирить себя, лишь бы осечь. Нет, не то место, не то время, не тот человек. Ему нужно пойти домой, запереться, закрыться. Перестрадать, а потом снова надеть свой защитный костюм.

А она смотрела на него так, что еще минута, и под давлением этого мягкого обеспокоенного взгляда, слезы вырвутся, покатятся по щекам, и он покажет свою слабость тому, кто не знает его. Той, что появилась в его жизни сутки назад.

– Я просто хотела поддержать тебя...

– Лиа, прошу, уходи, пока я не наговорил чего-то, за что мне будет стыдно, – проговорил он, сжимая кулаки.

– Томас...

Том, отвернувшись, со всей силы ударил в бетонную стену.

– Я сказал, уходи. Ты не сможешь мне. Ты меня не знаешь. Ты никто в моей жизни и даже не пытайся стать кем-то.

Девушка ошарашено моргнула, но покорно поджала губы и ушла куда-то за угол.

Томас стоял на месте, сжимал кулаки, впиваясь ногтями в кожу на ладонях. Его трясло, он покусывал губы, а ком в горле рос, выталкивая слезы наружу. Он не сдержался. Злясь на самого себя, оскалился, а слезы полились по его порозовевшим щекам. Его накрыла волна ненависти к самому себе. Он ударил кулаком по стене еще раз, совершенно не ощущая боли. Затем еще раз, и еще, и еще один. Затем второй рукой, двумя. Пнул ногой мусорный контейнер. Закричал. Закричал громче. Ударил контейнер еще раз, выкрикивая ругательства. А слезы лились, ком в горле разрастался, становилось трудно дышать.

Еще один удар, снова и снова, пока на косточках не показалась кровь. Том не чувствовал этой боли, ведь ее перекрикивали душевные страдания. Он хватался за голову, сжимая между пальцев волосы, рычал, кричал, истощенно стонал. Парень откровенно рыдал, не сдерживая себя. Пресекал себя за слабость, ненавидел себя, злился на себя, ударял в стену еще раз и еще.

– Ненавижу! – кричал он. – Ненавижу!

Внутри было невероятное давление, сердце в груди обливалось кровью и дрожало от каждого всхлипа, от каждого звука, от каждого удара. Ему было так плохо, что от изнеможения хотелось рвать на себе одежду и лезть на стену, нечеловечески крича.

Он остановился, дрожа от страха, от паники, что одурманила его. Он упал на стену, скатился по ней, смотря на кровоточащие руки. Пальцы не сгибались, лишь судорожно тряслись. Он поджал к себе колени, желая свернуться калачиком, заплакать по-детски, неразумно всхлипывая, скулить, не надеясь на то, что кто-то поможет. Он сидел, опустошенный, усталый, до того момента, пока чья-то теплая ладонь не прикоснулась к его спине.

Она не ушла, она переждала где-то за углом, она вернулась. Лиа села рядом с ним, обняла парня, а он, словно ребенок, упал ей на колени. Ее пальцы гладили его волосы, а Томас чувствовал, как она дрожит. Или дрожал он?

Том продолжал всхлипывать, сжимать глаза и челюсти, лишь бы не закричать в отчаянье. А она шептала ему на ухо, пыталась успокоить.

– Я убил ее, – проговорил Том. Лиа не ответила, но он знал, что девушка не поняла его фразы. – Если бы я не прогнал ее, то она была бы со мной, была бы живой. Я убил ее, Лиа.

ГЛАВА 3

1

Томас оставил за спиной лестницу и, растерявшись, остановился. Было многолюдно и шумно, но как-то по-иному. Мужчины были в строгих костюмах, дамы в платьях и на высоких каблуках. Клуб не был залит неонами, и не гроыхала громкая музыка. Его освещали сотни свечей, стоящих на столиках. Все столики были заняты, кому-то приходилось стоять.

Том глянул на себя в отражении блестящей крышки, что закрывала горячее блюдо на подносе. Он в строгом темном костюме, с небрежно раскрытым воротом рубашки. На лбу единственная русая прядь, выбившаяся из идеальной укладки. Острый подбородок, четкие высокие скулы. Да, это он. Но где?

Он стал пробираться уверенной поступью, но с растерянным хмурым взглядом сквозь людей, кому не досталось сидячего места. Они толпились, разговаривали, и юноша быстро пробирался мимо них, отодвигая их руками, будто бы зная, что ему срочно нужно попасть в центр. Он торопился.

Том вышел из толпы на пустой идеально чистый паркет. Погас свет, один лишь прожектор светил на него. Люди вокруг будто пропали, но Том чувствовал на себе их взгляды: осуждающие, недоброжелательные. Они смотрели с презрением, осуждением и переговаривались, смеялись.

Томас впал в ступор, пока не услышал стук каблуков в тишине. Девушка подошла к нему сзади, провела рукой по его телу, остановилась на груди. Он хотел поймать ее руку, но девушка отошла в сторону, и тогда Том увидел ее лицо.

– Элли, – произнес он, будто здороваясь. Он бережно взял ее руку и подтянул к себе.

Девушка, крутясь, упала в объятия парня.

– Томми, – улыбалась она, а улыбка ее была хитрой и довольной. Ей всегда хотелось станцевать танго на людях, Томас всегда ломался.

Том осторожно повел Элисон по площадке, уверенно держа в своей руке ее узкую ладонь. Его вторая рука едва касалась искрящегося платья на спине Элли. Ритм музыки переменялся с медленного на настойчивый. Он заставлял Тома откинуть все свои мысли и всецело отдаться танцу.

И Том никогда не умел хорошо танцевать танго, в отличие от Элли, что мечтала Томаса научить. Ей всегда хотелось станцевать с ним где-нибудь на людях, под живую музыку, а затем слушать звук аплодисментов. Тома смущала сцена, смущали люди, он боялся, что все внимание приковано к нему. Боялся опозориться.

Томас смотрел на девушку, на ее идеально ровное лицо, бледную кожу и черные волосы, собранные в несложную, но эффектную прическу, украшенную белыми мелкими цветами. На ее зеленые глаза, что сводили Томаса с ума. В них было все: боль и отчаянье, счастье и спасение.

Бедро к бедру, рука на плече, ладонь в ладони. Они танцевали уверенно, смотря друг на друга, не отводя глаз, почти не моргая. Том раскрутил девушку, бросая ее в сторону, и лишь в последний момент удержал ее пальцы крепкой хваткой и потянул обратно. На момент склонился к ее шее, вдохнул опьяняющий аромат духов, обнял за плечи. Но вновь отошел. Они продолжили танцевать, смотря друг на друга со страстью, с желанием, с любовью.

– Давай, Томми, – шептала Элли ему на ухо. Ее голос сладкий и томный, Томас нервно слглатывает. – Ты можешь, я знаю.

Быстрым уверенным движением он наклонился к Элисон, заставив ее изогнуться, словно лоза. Ее волосы коснулись пола, но она не испугалась, лишь улыбнулась, глядя на парня. Он повел ее снова, раскручивая, прижимая к себе, играясь с ритмом и партнершей. Их танец ломаный, импульсивный, с резкими переходами к мелким промежуткам спокойствия и ласки. Он страстен и быстр, обжигающе горяч и хитер. Они играли друг с другом, забавлялись. Томас своей настойчивостью, Элисон – хитрым взглядом, дьявольской красотой и дурманящим запахом.

Она издевалась над ним, когда он пытался припасть к ее щеке или шее, уходила, скользя длинными пальцами по его рубашке. Он хватал ее за руку, крутил, бросал и ловил, откидывал и прижимал к себе.

Томас улыбался, лукаво, с хищным и живым взглядом, и оказался позади девушки. Он прекратил этот вихрь, прикоснулся к ее оголенным плечам сначала подушечками пальцев, затем скользил вниз, слегка разводя ее руки. Он притронулся горячими губами к шее, к плечам. И его самого трясло от этой близости.

А она вновь выскользнула, крутясь на носках, будто бы паря над паркетом, ушла в сторону. Том успел поймать ее пальцы, бережно вернул ее к себе и наклонился. Девушка откинулась назад, вцепилась тонкими пальцами в его плечо. Она прижилась бедром к его ноге, и Том почувствовал, как она дрожит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.